

Фольклористика

Научная статья

УДК 398(=512.111)(571)

DOI 10.17223/18137083/92/1

Календарный и сезонно-приуроченный фольклор чувашей в условиях сибирской диаспоры

Екатерина Игоревна Исмагилова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

Аннотация

Рассматриваются отдельные жанры календарно-обрядового и сезонно-приуроченного фольклора – песни зимних поздравительных обходов, масленичные и хороводные песни, зафиксированные от потомков сибирско-чувашских переселенцев. Дана характеристика этнографических контекстов исполнения фольклорных образцов, анализ содержания и некоторых поэтических приемов, присутствующих в их текстах; выявляются закономерности, свойственные бытованию сезонного фольклора в локальных традициях чувашей Сибири. Произведения этой жанровой сферы к настоящему моменту перешли в практику пассивного хранения. Функция исполнения произведений календарного и сезонно-приуроченного фольклора переосмысливается: из обрядовой она становится праздничной, развлекательно-коммуникативной. Вводятся в научный оборот материалы созданного в 2021–2023 гг. интернет-ресурса «Атлас звучащих фольклорных текстов».

Ключевые слова

народные песни чувашей Сибири, календарный фольклор, сезонно-приуроченный фольклор, сибирско-чувашская диаспора, фольклор сибирских переселенцев

Для цитирования

Исмагилова Е. И. Календарный и сезонно-приуроченный фольклор чувашей в условиях сибирской диаспоры // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 9–24. DOI 10.17223/18137083/92/1

© Исмагилова Е. И., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 9–24
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 9–24

Calendar and seasonal folklore of the Chuvash in the context of the Siberian diaspora

Ekaterina I. Ismagilova

Institute of Philology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

Annotation

This paper attempts to characterize the calendar works of the Chuvash calendar-ritual and seasonally timed folklore recorded in various localities of the Siberian region. A description of the ethnographic context and an analysis of the text content are provided. The corpus of this study comprises accounts from tradition bearers concerning holiday celebrations and folklore samples, specifically winter congratulatory round songs (Surkhuri festival), Maslenitsa, and round dance songs, documented among descendants of Siberian-Chuvash settlers between 2003 and 2024. The Surkhuri festival folklore texts feature livestock fertility blessings for household hosts alongside humorous threats directed at stingy hosts. Maslenitsa songs (*çăvarni yurri*) predominantly celebrate youth sleigh-riding festivities. Round-dance songs (*văyă yurri*) exhibit diverse thematic content encompassing dance celebrations, spring nature depictions, and lyrical-philosophical meditations on life and its transience, and others. A thorough examination of the poetic text in both the Maslenitsa and Peter the Great songs reveal the presence of recurring patterns in their organization. These patterns include the use of aphorisms, cumulative stanza construction, and figurative parallelism. Currently, these calendar and seasonal folklore works have transitioned to passive preservation status. Their performance is characterized by festive, entertaining, and communicative functions. In a similar way, the shift in functional affiliation, away from the ritualistic and magical domain, defines the existence of calendar folklore in its originating territory, the Volga region.

Keywords

folk songs of the Chuvash of Siberia, calendar folklore, seasonally-timed folklore, Siberian-Chuvash diaspora, folklore of Siberian settlers

For citation

Ismagilova E. I. Calendar and seasonally-timed folklore of the Chuvash in the conditions of the Siberian diaspora. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 9–24. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/1

Сфера календарно-обрядового фольклора издревле занимала важнейшее место в структуре чувашской фольклорной традиции. Маркирование той или иной календарной вехи сопровождалось исполнением соответствующих фольклорных произведений – как правило, песен [Культура Чувашского края, 1995, с. 250–251].

Несмотря на то что в отношении календарного фольклора особенно остро стоит проблема его неизбежной утраты и забвения, известно, что отдельные образцы этой жанровой сферы сохранялись в живом бытовании в микролокальных традициях чувашей Сибири вплоть до второй половины XX в. [Исмагилова, 2013; Исмагилова, Федотова, 2021; Исмагилова, 2025].

Исследование чувашского календарного фольклора в Сибири не теряет своей актуальности и в настоящее время. Изучая образцы этой сферы, можно проследить уровень сохранности текстов, бытующих в фольклорной диаспоре, рассмот-

реть и оценить адаптивные свойства чувашской традиционной культуры, проявившиеся в иноэтнической среде и более суровых климатических условиях.

Цель настоящей статьи заключается в характеристике чувашского календарно-обрядового и сезонно-приуроченного фольклора, зафиксированного в различных местностях Сибирского региона. В задачи работы входят рассмотрение этнографического контекста исполнения фольклорных образцов, анализ содержательных закономерностей текстов избранных календарных произведений, выявление особенностей, характерных для бытования этой сферы фольклора в локальных традициях чувашей Сибири. Материал исследования составили рассказы носителей традиции о проведении праздников, а также более сорока образцов календарного и сезонно-приуроченного фольклора, зафиксированных сотрудниками Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки и Института филологии СО РАН в ходе полевой работы с 2003 по 2024 г.¹

Нами изучены отдельные календарные и закрепленные за определенным сезонным периодом жанры [Исмагилова, 2013; Исмагилова, Федотова, 2021], однако тема функционирования календарного фольклора в сибирско-чувашской диаспоре к настоящему моменту еще не получила исчерпывающего раскрытия. В качестве методологической предпосылки для изучения этой темы укажем на необходимость сравнения сибирского бытования произведений обозначенной жанровой сферы с их функционированием на материковой территории традиции. Подобное сравнение будет способствовать характеристике уровня сохранности того или иного жанра календарного фольклора, а также особенностей бытования этих текстов в сибирско-чувашской диаспоре.

Обряды и фольклор праздника *Сурхури* / *Раштав*

Годовой календарный цикл открывает праздник *Сурхури* («овечья нога»), отмечаемый в период зимнего солнцеворота. В процессе христианизации на этот животноводческо-земледельческий праздник наложилось празднование Рождества Христова, отсюда возникло новое название этой календарной вехи – *Раштав*² [Чуваши..., 2009, т. 2, с. 126]. Этот праздник длился неделю, в течение этого времени совершались поздравительные обходы сельских дворов группами мальчиков и подростков с песнями о наступлении праздника и благопожеланиями хозяевам. Односельчане одаривали ребят, угощали их каленым горохом – символом благополучия мелкого скота, а также колобками из теста – *ййва*³, орехами и другими лакомствами. Дети поздравляли хозяев, желали приплода скота, урожая и благополучия дому, подбрасывая при этом горох. Скупых хозяев участники обряда вышучивали, пели им корильные песни. Существовала также традиция ряженья

¹ Полевые аудио-, фото- и видеоматериалы хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (далее – АТМ НГК). Ряд этих материалов (аудиообразцы, их паспортные данные, тексты, переводы, характеристика жанровых, содержательных и композиционных параметров и др.) размещен на страницах интернет-ресурса «Атлас звучащих фольклорных текстов», созданного в 2021–2023 гг. (далее – АЗФТ).

² В традиции верховых чувашей *вирыял* сохранилось прежнее название праздника.

³ «*Ййва* (*ййвача*) [ййва́, ййвача́] – колобок, печеное тесто из разных сортов муки без начинки. Пекли на поду печи или на сковородке, пропитывали маслом или медовой сытой. Считалось праздничным и обрядовым блюдом, выпекали в дни *Сурхури*, *Џаварни* и некоторых других торжественных случаях» [Матвеев, 2011, с. 152].

в медведя, козу, цыган, стариков и старух и т. п., в этом принимала участие молодежь постарше, парни и девушки. Со второй половины XIX в. в ряде местностей в Поволжье обряд зимних поздравительных обходов претерпел христианизацию: учителя и ученики церковно-приходских школ в процессе обходов исполняли рождественские песнопения; этот обычай бытует в некоторых районах Чувашии вплоть до настоящего времени [Чуваши..., 2009, т. 2, с. 126].

В Сибири традиции празднования *Сурхури* / *Раштав* сохранялись вплоть до последней трети XX в. Приведем тексты воспоминаний потомков сибирско-чувашских переселенцев об этом празднике⁴.

Никитина Е. Е.: На Рождество стряпали большой пирог – *хуплу*. Собирались друг у друга, ходили в гости. Сеяли пшеницей. Приходили в дом и говорили: «Сею-сею, посеваю, с Новым годом поздравляю». В святки ходили ряженые, кто как может одевались – шубу выворачивали, одевали медвежьей шкурой, мазали лицо углем. Это было еще в 1970-е гг.⁵

Леван Р. П.: *Сыркори*. На Рождество стряпали галушки, в масле жарили. И мы, маленькие, бегали в каждый двор. Нам насыплют в карман, и ходим. К своим таким, близким ходили, когда крестные, по соседям. «Рождество» мы не пели, но ходил пел один у нас, молитву какую-то. В каждый двор заходил, пел. Его давно нет. Паша Александров его звали. По-чувашски пел⁶.

Яруткина З. Н.: Колядовали... Приходят в дом когда, мы пекём эти, как их, ерушки, «орешки» называются, нигде таких не пекут, у чувашей только. Там растапливается сливочное масло, сахар, мука, получается песочное тесто. Когда приходят, угощают этими «орешками». Поют не на русском, а на чувашском⁷.

Несмотря на то что рассказов о поздравительных обходах к настоящему моменту зафиксировано очень много, фольклорные тексты, посвященные празднику *Сурхури*, были записаны в Сибири в очень малом количестве – всего два образца новогодней припевки «*Сурхури – Кёркури!*»⁸. Возможно, это обусловлено тем, что этот пласт фольклора лучше сохранялся у чувашей *вирьял*, потомки которых значительно реже встречаются в Сибири, чем носители низового (*анатри*) и средненизового (*анат-енчи*) чувашских диалектов.

Рассмотрим образец, записанный в Омской области. Этот текст содержит пожелание хозяевам дома приплода овец, скота («Один барашек, другая овечка»), а также шуточные угрозы, направленные в адрес скупых хозяев:

⁴ Тексты рассказов информантов приведены дословно, с сохранением речевого стиля носителей традиции.

⁵ Записано в 2009 г. в д. Казанка Казачинского р-на Красноярского края от Е. Е. Никитиной (АТМ НГК, колл. № А0244).

⁶ Записано в 2008 г. в д. Кондратьево Муромцевского р-на Омской обл. от Р. П. Леван (АТМ НГК, колл. № А0238).

⁷ Записано в 2008 г. в д. Машканка Тарского р-на Омской обл. от З. Н. Яруткиной (АТМ НГК, колл. № А0238).

⁸ Первый образец записан в 2008 г. в Омской обл. (подробная информация о нем, текст, перевод и аудиозапись содержатся в АЗФТ,

https://folkmap.philology.nsc.ru/song/surhuri_grigorii2,

второй – в 2024 г. в Республике Хакасия [Исмагилова, 2025].

Чувашский текст ⁹

Сурхури, Кёркури!
П[ё]ритака, те припутяк.
Пире куккăль памасан.
Çатма хёрри катăлтăр!
Пире йăва памасан,
К[ă]мака ани сурăлтăр!

Русский перевод ¹⁰

Сурхури, Кергури ¹¹!
Один барашек, другая овечка.
Если нам не дадите пирога,
То край сковороды пусть отколется!
Если нам не дадите *йава*,
То устье печи пусть отколется!

Деревня Машканка Тарского р-на Омской обл., в которой был записан этот текст, была образована в 1927 г. чувашскими переселенцами из Красночетайского р-на Чувашии. На территории выхода был записан близкий вариант этой колыбельной песни [Сурхури..., 2018, с. 22] ¹². Он несколько более полный, чем в сибирском варианте, и содержит восемь строк вместо шести:

Сурхури, Кёркури!
Притакта та припутяк.
Сурăх хўри саламат!
Ене хўри винават!
Пире пăрçа памасан.
Çатма хёрри катăлтăр!
Пире йăва памасан,
Кмака çамки катăлтăр!

Сурхури, Кергури!
Один барашек, другая овечка.
Овечий хвост – *саламат* ¹³!
Коровий хвост – *виноват* ¹⁴!
Если нам не дадите гороха,
То край сковороды отколется!
Если нам не дадите *йава*,
То устье печи пусть отколется!

Опираясь на Хрестоматию чувашских календарных песен, содержащую образцы, записанные в различных районах Республики Чувашия в последние десятилетия XX – начале XXI в., укажем, что песен праздника *Сурхури / Раштав* не так много сохранилось и на материковой территории традиции: в сборнике приведены лишь 10 подобных образцов [Там же, с. 15–27]. Примечательно, что эти произведения распространены преимущественно у верховых чувашей (8 текстов) и отчасти у представителей средненизового диалекта (2 текста). В Сибири же, в частности в Новосибирской обл., в традициях средненизовых и низовых чувашей народные образцы календарной поэзии заменило фольклоризованное рождественское песнопение – тропарь «Рождество Твое» [Исмагилова, 2021, с. 100]. Подобное бытование христианских песнопений в народно-исполнительской среде, начавшись еще в середине XIX в. на материковой территории традиции, продолжилось и на новых местах проживания чувашских переселенцев.

⁹ Записано в 2008 г. в д. Машканка Тарского р-на Омской обл. от З. Н. Яруткиной (АТМ НГК, колл. № А0238).

¹⁰ Расшифровка и перевод чувашских текстов здесь и далее выполнены Е. В. Ермиловой (Федотовой), за что мы выражаем ей благодарность.

¹¹ *Кергури* – рифмующееся с названием *Сурхури* имя «Григорий» в чувашском произношении, употребляемое колядовщиками в качестве обращения к хозяину дома.

¹² Образец песни праздника *Сурхури* был записан в 1985 г. в д. Санкино Красночетайского р-на Республики Чувашия [Сурхури..., 2018, с. 514].

¹³ *Саламат* – нагайка. Хвост овцы сравнивается с нагайкой, поскольку похож на нее формой.

¹⁴ Слово «виноват» здесь употребляется, вероятно, для рифмы.

Празднование *Сурхури / Раштав* непосредственно переходит в следующий праздник, *Кáшарни* («морозная неделя»), адаптированный православием как Крещение. Это время традиционных собраний молодежи, гаданий в овчарне, на гумне, по кольям забора и т. п. Молодежь гадала и в Сибири, о чем у местных чувашей сохранились красочные воспоминания.

Лаптева В. А.: Мы ходили в стайку. Кто барана или козла поймает, значит, муж будет военный, а нет, так простой муж будет. Курицу приносили в дом. У кого зерно клюет, значит, работающий муж будет. Ходили, обувь кидали через плечи, у кого дальше, мерили, тот первый замуж выйдет. Палисадники вот обнимали, считали, у кого чётно выпадет, тот скоро замуж выйдет. Под окном слушали, какое мужское имя услышат¹⁵.

Леван Р. П.: Под окошками ходили, слушали. Если ругаются, значит, замуж выйдешь – ругаться будешь, если про хорошее говорят, замуж выйдешь за хорошего¹⁶.

Вплоть до настоящего времени в сельской местности бытуют и другие обычаи, уже обусловленные христианством: сбор воды из природных источников в ночь перед праздником Крещения (согласно народным представлениям, в эту ночь вся вода в реках, озерах и колодцах становится святой и целебной), рисование мелом крестиков на потолке и над входом для сохранения домов от «нечистой силы». Фольклорные же тексты, посвященные празднику *Кáшарни*, сибирские чуваше не исполняют.

Песни праздника Масленицы

Масленичные песни *çáварни юрри* сохранились у сибирских чувашей значительно лучше. В чувашских населенных пунктах Новосибирской, Омской, Кемеровской областей и Красноярского края было зафиксировано два десятка образцов этого жанра. Эти песни исполнялись во время деревенских праздничных гуляний, еще в 1960–1970-е гг. проводившихся в отдельных чувашских населенных пунктах¹⁷.

Ко второй половине XX в. у сибирских чувашей сложился не вполне однородный песенный репертуар, исполнявшийся во время масленичных гуляний. Исполнительницы старшего возраста хорошо помнят, что пелись «специальные песни» – *çáварни юрри*. В их текстах главенствуют образы праздничного, радостного катания молодежи в санях:

*Лашицене кúлери лайахисе,
Ялан сил(и)хи вёçёсем кáтрисе?
Хёрёсене лартари чиперрисе,
Сассиссем те шанкрав*

*пек уçсисе?*¹⁸

Запряжем ли лошадей хороших,
У которых концы грив всегда кудрявы?
Посадим ли (в сани) девушек красивых,
У которых голоса звонкие
как колокольчики?

¹⁵ Записано в 2009 г. в д. Казанка Казачинского р-на Красноярского края от В. А. Лаптевой (АТМ НГК, колл. № А0244).

¹⁶ Записано в 2008 г. в д. Кондратьево Муромцевского р-на Омской обл. от Р. П. Леван (АТМ НГК, колл. № А0238).

¹⁷ Обстоятельства исполнения масленичных песен подробно описаны в нашей более ранней работе [Исмагилова, 2013, с. 137–138].

¹⁸ Записано в 2003 г. в Новосибирской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержатся в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/zapryazhem_li_loshadei_horoshih).

Коню и саням в текстах масленичных песен отведено особое место: они воспеваются, прославляются:

<i>Ç[ă]варни сѹни – сѹт сѹни, сѹт сѹни.</i>	Масленичные сани – светлые сани, светлые сани.
<i>Сѹти юлтăр сѹл сине, сѹл сине.</i>	Пусть свет останется на дороге, на дороге.
<i>Сѹти ўкет сѹл сине, сѹл сине. Ячĕ юлтăр ял сине, ял сине.</i>	Свет падает на дорогу, на дорогу. Имя пусть останется на деревне, на деревне.
<i>Ç[ă]варни лаши тур лаши, тур лаши.</i>	Масленичный конь – гнедой конь, гнедой конь.
<i>Силхи витĕр сѹл вĕрет, сѹл вĕрет.</i>	Сквозь гриву ветер дует, ветер дует.
<i>Турти тăрăх тар юхатъ, тар юхатъ¹⁹.</i>	По оглоблям пот течет, пот течет.

Вместе с катанием на санях в текстах *çăварни юрри* воспеваются молодость, удаль молодых людей и красота девушек:

<i>Уттарар-и паян та чуптарар-и</i>	Шагом ли поведем [коней] сегодня да бегом ли,
<i>Аслă сѹлта шур юрсем нур чу[x]не?</i>	Пока есть белые снега на больших дорогах?
<i>Ёсĕр те-и паян та, ай, сĕер-и,</i>	Попить ли нам сегодня да, ай, поесть ли,
<i>Çамрăк пуçра сывлăхсем нур чу[x]не?</i>	Пока есть в молодой голове здоровье?
<i>Хурама та пĕкĕ, йĕсйăлтăрма, Чĕлпĕр витĕрнĕ чухийăл тăртатать,</i>	Дуга да из вяза, погремок латунный, При вдевании поводка постукивает,
<i>Ай-хай, савнăтусăм, ай, хуракуçăм,</i>	Ай-гай, любимый друг мой, ай, черноглазый мой,
<i>Сăмахне каличчен, ай, йăлкулатъ²⁰.</i>	До того, как сказать свое слово, ай, улыбнется.

В некоторых текстах подчеркивается особая ценность девушек – будущих невест, а также отражены народные представления о красоте, в частности предпочтение людей со светлыми волосами темноволосым²¹:

¹⁹ Записано в 2022 г. в Кемеровской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержится в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenichnye_sani_svetlye_sani).

²⁰ Текст записан в 2022 г. в пос. Чертинский Беловского р-на Кемеровской обл. от З. В. Васильевой (АТМ НГК, колл. № А0274).

²¹ О подобных предпочтениях, присутствующих в текстах хороводных песен, записанных в Чувашии, свидетельствует также исследователь традиционного мировосприятия чувашей О. Н. Терентьева [2015, с. 110–111]. Она не объясняет причины такого предпочтения. Выскажем свое предположение: противопоставление светловолосых девушек и юношей темноволосым тесно связано с историей формирования чувашского народа в XIII–

*Ылттайн с[ă]мартă кустартăм,
Чул хулая ситертĕм.
Чул хуларă чул хаклă,
Пир[ĕ]н вăхăтра хĕр хаклă²².
Çак çаварни ма килет?
Хурисене хурланма,
Саррисене савăнма²³.*

Золотое яйцо катала,
До Нижнего Новгорода докатила.
В Нижнем Новгороде камень дорогой,
В наше время девушки дорогие.
Эта масленица зачем приходит?
Темноволосым – горевать,
Светловолосым – радоваться²⁴.

В ряде песен присутствуют традиционные для чувашской народной поэзии размышления о жизни, скоропроходящей молодости и быстропроходящей Масленице:

*Чупрăм, антăм, ай, сырмая,
К[ă]вак хут укça, ай, пустарма.*

Побежала, спустилась, ай, к реке,
Собирать голубые бумажные купюры
денег.

К[ă]вак хут укça, ай, пичетсĕр,

Голубые бумажные деньги,
ай, без печати,

Ман яшĕмĕр, ай, телейсĕр²⁵.

Моя молодость, ай, без счастья.

Женщины, чья молодость пришлась на послевоенный период и последующие десятилетия, свидетельствуют о том, что во время празднования Масленицы могли петься «разные песни» – и чувашские, и русские (в том числе песни XX в.), «что обычно пели, то могли петь и на Масленицу». Среди подобных образцов достаточно широко распространенная в Сибири песня с балладным содержанием о девушке Насте, которая была убита во время масленичных гуляний. Несмотря на более позднее балладное содержание, в тексте присутствуют традиционные для чувашской поэзии образы саней (в этом тексте они черные, вероятно, черный цвет саней символизирует трагическое событие, о котором повествуется в песне), белой лошади, а также устойчивый для чувашской народной поэзии прием – параллелизм образов (*длина улицы оказалась короткой, век Нasti укоротился*).

XVI вв. Чувашский этнос сложился «в результате метисации европеоидного и монголоидного компонентов» [Чуваши..., 2009, т. 1, с. 74]. Булгарское население, проживавшее в Поволжье до и во время монголо-татарского нашествия начала XIII в., было европеоидным, русоволосым. Возможно, глубинная память фольклорной традиции сохранила воспоминания о светловолосых людях как об истинно прекрасных представителях своего народа, противопоставляя им образы темноволосых, пришлых людей, чужаков и захватчиков.

²² Текст записан в 2008 г. в д. Машканка Тарского р-на Омской обл. от Н. И. Николаевой (АТМ НГК, колл. № А0238).

²³ Записано в 2008 г. в Омской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержатся в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/eta_maslenitsa_zachem_prihodit).

²⁴ Вариант этого же текста был записан в 1983 г. в д. Тиханкино Красночетайского р-на Чувашской АССР (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук, отд. VI, ед. хр. 366, инв. № 1563, л. 68). В нем присутствует еще одна, заключительная строка: *сыррисене савăнма* (шатенам – сердиться).

²⁵ Записано в 2008 г. в д. Машканка Тарского р-на Омской обл. от Н. И. Гавриловой (АТМ НГК, колл. № А0238).

Ç[ă]варни сѹна, хура сѹна
Кѹлсе тухрăм шур лаша.
Карăм урам тăришипеле
Хам Наçтуçа шыраса.

Урам тăришии кёске пулчĕ,
Наçтуç ём[ё]ри кёскелчĕ.
Наçтуç хёрне ют каччисем
Тытнă та-а-а вёлернĕ.

Наçтуç амёш хыпаланать,
Ашă пёлём пёсерет.
Наçтуç выртать юн сийёнче,
Наçтуç амёш макăрать²⁶.

Масленичные сани, черные сани.
Запряг белую лошадь, вышел.
Поехал вдоль по улице
В поисках своей Насти.

Длина улицы оказалась короткой,
Век Насти укоротился.
Девушку Настю чужие парни
Взяли и убили.

Мать Насти хлопочет,
Теплые блины печет.
Настя лежит в крови,
Мать Насти плачет.

Современные носительницы традиции уверены в принадлежности этой песни именно к масленичным песням, поскольку описываемый в ней сюжет происходит во время празднования Масленицы.

На материковой территории традиции масленичные песни продолжают свое бытование вплоть до начала XXI в. В Хрестоматии [Сурхури..., 2018] содержатся 76 образцов *çăварни юрри*, записанных с 1985 по 2014 г. от представителей всех трех чувашских диалектов. Перечисленные выше образы (масленичные сани, кони, молодежь, номинация и прославление самого праздника, размышления о жизни и быстропроходящей молодости и т. п.) в них присутствуют в еще более разнообразных вариантах²⁷. Песня с сюжетом о Насте в Хрестоматию не включена, вероятно, потому, что по сути она не является произведением традиционной календарно-обрядовой поэзии. Однако варианты этого текста бытуют вплоть до настоящего времени и в Чувашии, о чем свидетельствует образец, записанный в 2021 г. в Янтиковском р-не²⁸. В этом варианте говорится о том, что Настя стала жертвой несчастного случая (ее возлюбленный хотел убить другого парня из ревности, но случайно попал гирей в Настю).

Хороводные *петровские* песни

Более всего из жанров, имеющих календарную приуроченность исполнения, в фольклоре сибирских чувашей сохранились так называемые *петровские песни* (*петрăв юрри*). Эти хороводные по своей функциональной принадлежности песни *вăйă юрри* не принадлежат к календарно-обрядовому фольклору в строгом смысле этого понятия. Однако им свойственна четкая сезонная приуроченность: они исполняются от Вознесения или Троицы (конец мая – начало июня) и прекращают

²⁶ Записано в 2007 г. в Кемеровской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержатся в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenichnie_sani_chernie_sani).

²⁷ С текстами и аудиозаписями масленичных песен, записанными на материковой территории традиции и размещенными в АЗФТ, можно ознакомиться по следующим ссылкам:

https://folkmap.philology.nsc.ru/song/loshad_maslenitsi_gnedaya
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenichnie_sani_ai_novie
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenitsa_maslenitsa_ai_skazali_mi
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/rizhego_konya_zapryagla

²⁸ Этот текст и его аудиозапись размещены в АЗФТ
(https://folkmap.philology.nsc.ru/song/iz_zato_togo_chto_maslenitsa_nastupila).

звучать в Петров день (12 июля). Петровские песни сохранились в Сибири неравномерно, далеко не во всех исследуемых нами областях. Так, например, нам не удалось зафиксировать их бытование в Красноярском крае, Томской, Омской и Иркутской областях. Большая часть – 18 образцов песен *вайй юрри* – зафиксирована в Северном и Колыванском районах Новосибирской области; семь образцов были записаны в Кемеровской и два в Тюменской области.

Среди причин неравномерного распространения песен *вайй юрри* у сибирских чувашей укажем на местоположение этих песен в жанровой системе той или иной материковой локальной традиции, которую «привезли» в Сибирь родители и деды современных потомков чувашских переселенцев. В группе чувашских сел и деревень Северного района проживают преимущественно потомки выходцев из Урмарского и Канашского районов Чувашии, в Прокопьевском районе Кемеровской области – переселенцы из Янтиковского и Канашского районов [Исмагилова, 2020, с. 81, 82]. Выходцы из указанных районов Чувашии являются носителями низовой и средненизовой традиций. Известно, что жанр весенних хороводных песен получил широкое распространение у представителей именно этих диалектных групп [Кондратьев, 2007, с. 106]. Это обстоятельство также явилось предпосылкой для относительно хорошей сохранности хороводных песен в обозначенных местностях Сибири.

На основе рассказов-воспоминаний исполнителей о хороводах и празднике *Уяв* нами уже были подробно описаны обстоятельства исполнения песен *вайй юрри* в Сибири [Исмагилова, Федотова, 2021, с. 33–36]. Сообщим вкратце, что петровские песни всегда исполнялись на открытом воздухе (на улице, на опушке леса, на берегу реки). Как правило, хороводы водили девушки, но иногда к ним присоединялись и парни, с игрой на гармонии. В период проведения хороводов, в день одного из праздников (Вознесение, Троица, Петров день) устраивали также конные состязания: участник должен был быстрее всех проскакать на коне и поднять с земли лежащий на ней платок. Перед конными бегами по домам совершались обходы с целью сбора продуктов, которые затем служили наградой для победителей конных скачек или же для общей трапезы. Судя по исполнительским комментариям, хороводы были круговые и парные, также устраивались хороводы-шестивия по улицам деревни.

Содержание рассмотренных нами текстов *вайй юрри* весьма разнообразно. В ряде образцов присутствует тема хороводов, танца, самого праздника ²⁹:

*Кас суханне касмăттăм.
Çиес килни пĕлтерет.
Эп çак ваййа тухмăттăм.
Тухас килни пĕлтерет* ³⁰.

Не срезала бы лук –
Да есть хочется.
Я бы на эти игры не выходила –
Да хочется выйти.

*Английский куçкĕски
Пăхма вăхăт çитрĕ пуль.
Ай-хай, тантăш, пĕр вайй
Тухма вăхăт çитрĕ пуль* ³¹.

В английское да зеркало ³²,
Настало время поглядеться.
Ай-гай, ровесница, в одну игру,
Видимо, выйти время настало.

²⁹ Тема хороводов также присутствует в тексте, размещенном в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/s_izvilistim_stvolom_belaya_bereza).

³⁰ Записано в 2003 г. в д. Алешинка Северного р-на Новосибирской обл. от Н. Н. Малышевой (АТМ НГК, колл. № А0190).

Известна также песня, звучащая во время завершения праздника и регламентирующая его окончание:

*Кунтан Питрав иртсессён,
Тух тесен те тухас çук.
Тухсан та вайй пулас çук* ³³.

Отныне, как пройдет Петров день да,
Если и скажут выйти, нельзя выйти.
Если и выйдем, то не будет игрищ.

Во многих песенных текстах присутствуют поэтические описания картин природы, а также тонкие, высокохудожественные сравнения хороводов с окружающей их природой:

*Çёмёрт сески суралсан,
Върман витёр куранать.
Çёмёрт сески тайкансан,
Каять върман илемё* ³⁴.

Когда черемуха расцветает,
[Она] сквозь лес виднеется.
Когда с черемухи осыпается цвет,
Уходит красота леса.

*Çамър килет хуралса,
Върман хёрне шуратса.
Вайй килет выляса,
Аслă урама янартаса* ³⁵.

Дождь надвигается, темнея,
Обеляя край леса.
Игрище приближается, играя,
Наполняя главную улицу звуками.

В петровских песнях раскрываются также излюбленные темы чувашской народной поэзии, присутствующие и в масленичных песнях: лирико-философские размышления о жизни, ее быстротечности, о друзьях, разлуке с любимыми и близкими людьми:

*Иртсе карё(й) автобус –
Лараймасър юлтăмър.
Иртсе карё çамрăк ёмёр –
Ыр курмасър юлтăмър.*

Проехал автобус –
Остались, не смогли сесть.
Прошла молодость –
Остались, не успев побыть счастливыми.

*Пухăнтăмър тантăйшем –
Сёт çине ларнă хайма пек.
Салантăмър тантăйшем.
Вёсен кайăк чётти пек* ³⁶.

Собрались с друзьями –
Словно сливки на молоке.
Разлетелись со сверстниками.
Словно птенцы перелетных птиц.

³¹ Записано в 2003 г. в с. Чуваши Северного р-на Новосибирской обл. от Т. А. Слепченко, М. Н. Голубевой, Е. И. Петровой (АТМ НГК, колл. № А0190).

³² Упоминаемое в текстах «английское зеркало» олицетворяет собой роскошь, богатую жизнь, к которой, видимо, стремились в своих мечтах чувашские девушки.

³³ Записано в 2003 г. в д. Алешинка Северного р-на Новосибирской обл. от Н. Н. Малышевой и Л. В. Романовой (АТМ НГК, колл. № А0190).

³⁴ Записано в 2003 г. в с. Чуваши Северного р-на Новосибирской обл. от Т. А. Слепченко, М. Н. Голубевой, Е. И. Петровой (АТМ НГК, колл. № А0190).

³⁵ Записано в 2003 г. в Новосибирской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержатся в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/dozhd_nadvigaetsya_temneya).

³⁶ Записано в 2003 г. в д. Алешинка Северного р-на Новосибирской обл. от Л. В. Романовой (АТМ НГК, колл. № А0190).

Как и в песнях праздника Масленицы, в текстах *вайй юрри* нашли отражение уже обозначенные чувашские традиционные представления о красоте:

<i>Сар сапунне сарса сых.</i>	Желтый фартук завяжи, расправляя,
<i>Пиçиххине туртса сых.</i>	Пояс, затянув, завяжи.
<i>Сар ачисем саванччар,</i>	Пусть радуются русые парни,
<i>Хур ачисем хурланччар</i> ³⁷ .	Черноволосые пусть горюют ³⁸ .

В некоторых текстах отражены народные нормы поведения, неписанные правила народной этики:

<i>Лаппи-лаппи ан пусар.</i>	Не надо топтать,
<i>Çёр кисренет тееççё.</i>	Иначе земля будет колебаться.
<i>Хёр куçёнчен ан пăхăр –</i>	Девушке в глаза не надо смотреть,
<i>Хёр куçăхат тееççё</i> ³⁹ .	Иначе она будет страдать от сглаза.

Поэтическому языку петровских хороводных песен свойственна афористичность, являющаяся характерной чертой традиционной чувашской поэзии. Основной поэтический прием в них – образный параллелизм. Краткие, монострофные песенные композиции следуют одна за другой; тексты зачастую импровизируются в процессе вождения хоровода⁴⁰. Эти закономерности также характерны и для масленичных песен.

Помимо хороводных песен в процессе проведения обычаев Петрова дня могли исполняться и другие фольклорные тексты. Так, например, во время сбора продуктов пелись (точнее, скандировались) припевки с шуточными угрозами в адрес прижимистых хозяев, близкие по своему характеру к корильным песням зимних поздравительных обходов:

<i>Манаях та тутăр, ах, памасан,</i>	Мне да платок, ах, если не дадут,
<i>Тутăр савăчĕсем хупăнччёр.</i>	Фабрики платков пусть закроются.
<i>Манаях çăмарта, ах, памасан,</i>	Мне яйцо, ах, если не дадут,
<i>Çăххисенĕн кучĕ питĕрĕнтёр</i> ⁴¹ .	Куры пусть перестанут нестись.
<i>Пире-ёске эрехне, ай, памасан</i>	Да нам же если водку, ай, не дать,
<i>К[ĕ]ленчи çаварĕ вантăр та,</i>	Бутылки горлышко пусть разобьется,
<i>вантăр та, ван[тăр]</i> ⁴² .	да пусть разобьется, пусть разобьется.

³⁷ Записано в 2003 г. в д. Алешинка Северного р-на Новосибирской обл. от Н. Н. Малышевой и Л. В. Романовой (АТМ НГК, колл. № А0190).

³⁸ Русые парни должны радоваться тому, что девушки предпочитают их темноволосым (см. сноску 21).

³⁹ Записано в 2003 г. в с. Северное Северного р-на Новосибирской обл. от Ф. Н. Санниковой (АТМ НГК, колл. № А0190).

⁴⁰ Примечательно, что сами исполнители нередко называют петровские песни «частушками». Подобное восприятие *вайй юрри* родилось, очевидно, в результате краткости и импровизационности их текстов.

⁴¹ Записано в 2003 г. в с. Северное Северного р-на Новосибирской обл. от А. С. Григорьевой (АТМ НГК, колл. № А0190).

⁴² Записано в 2003 г. в с. Чуваши Северного р-на Новосибирской обл. от Т. А. Слепченко (АТМ НГК, колл. № А0190).

Выводы

В заключение резюмируем, что в большинстве случаев календарный и сезонно-приуроченный фольклор чувашей Сибири перешел в практику пассивного хранения, т. е. к настоящему моменту сохраняется лишь в памяти носителей традиции. Представительницы старшего и среднего возраста охотно делятся рассказами о проведении поздравительных обходов, о масленичных гуляньях и вождении хороводов, однако песни, сопровождающие эти ритуалы, вспомнить и воспроизвести могут немногие носительницы традиции.

Причинами малой сохранности календарного фольклора в Сибири явились как общие процессы разрушения традиционной культуры в XX – начале XXI в., так и особенности бытования традиции в иноязычном окружении, когда нередко происходит процесс ее растворения в другой (как правило, русской) народной культуре. Свою роль сыграли также более суровые природно-климатические условия сибирского региона, не способствующие бытованию и трансляции календарно-обрядового и приуроченного фольклора. Кроме того, для верной оценки наличия или отсутствия образцов того или иного жанра необходимо учитывать особенности жанровой системы конкретного музыкального чувашского диалекта.

Можно заметить общие закономерности в организации поэтического текста в масленичных и петровских песнях. Среди них афористичность (каждое произведение представляет собой одну четырех- или шестистрочную строфу), принцип «нанизывания» строфы за строфой, прием образного параллелизма. С известными нам сибирскими образцами зимних поздравительных песен по своему содержанию перекликаются корильные песни, звучавшие во время сбора подарков для празднования летних праздников (Троица, Петров день).

Очевидно, что в XX – начале XXI в. исполнению произведений календарного и сезонно-приуроченного фольклора свойственны праздничная, развлекательная, а также коммуникативная функции. Этот процесс переосмысления функциональной принадлежности, перехода из обрядовой, магической по своей природе, сферы свойственен и календарному фольклору на материнской территории традиции, который также переживает в настоящее время процесс утраты, пусть и не столь стремительный, как в сибирско-чувашской диаспоре.

По рассмотренным в настоящей работе образцам можно составить представление о том, что в середине – второй половине XX в. у сибирских чувашей существовала богатая и развитая календарно-обрядовая культура. К началу XXI в. сохранились лишь отдельные песенные образцы, принадлежащие, вероятно, к наиболее актуальным для Сибири вехам календарного круга. Среди них праздник *Сурхури / Раштав*, Масленица, весенне-летние хороводы. Сохранность вплоть до последних десятилетий XX в. именно этих праздников и сопровождающих их фольклорных произведений связана, на наш взгляд, с убедительно присутствующей в них развлекательно-коммуникативной направленностью.

Список литературы

Исмагилова (Жимулева) Е. И. Масленичные песни в фольклорной традиции чувашей Сибири // Университетское музыкознание: труды факультета искусств. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. Вып. 6. С. 137–143.

Исмагилова Е. И. Особенности распространения музыкально-фольклорных традиций чувашей Сибири в сравнении с материковой территорией их бытования // Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8, № 2. С. 76–86.

Исмагилова Е. И. Православные песнопения в фольклорных традициях сибирского бытования / Отв. ред. Н. В. Леонова. Новосибирск: Наука, 2021. 240 с.

Исмагилова Е. И. Чувашский фольклор в хакасском селе Доможаков (по материалам экспедиции 2024 года) // Народная культура Сибири: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (XXXIII Научно-практический семинар) (31 октября – 1 ноября 2024 г.) / Отв. ред. Н. К. Козлова. Омск: Наука, 2025. С. 92–99.

Исмагилова Е. И., Федотова Е. В. Петровские песни сибирских чувашей: степень сохранности, этнографический контекст, особенности текстов и напевов // Фольклор народов Поволжья и Урала: жанры, поэтика, проблемы изучения: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10–11 октября 2019 г.) / Сост. и отв. ред. Г. Г. Ильина. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 31–44.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: Per Se, 2007. 287 с.

Культура Чувашского края: Учеб. пособие / В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др.; сост. М. И. Скворцов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. Ч. 1. 349 с.

Матвеев Г. Б. Йӓва // Чувашская энциклопедия: В 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4: Се–Я. 798 с.

Сурхури, Кёркури! Чувашские календарные песни: Хрестоматия / Сост. Л. В. Петухова, Г. В. Салюков, И. Ф. Яковлева; науч. ред. М. Г. Кондратьев. Чебоксары, 2018. Вып. 1. 535 с., ил.

Терентьева О. Н. Хороводные песни в записи Тараса Максимова 1912 года как ключ к пониманию мировоззрения чувашей // Народное искусство в XXI веке: актуальность, этнокультурные взаимодействия, формы бытия, проблемы развития / Науч. ред. М. Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 105–114. (Проблемы художественной культуры Чувашии; вып. 6)

Чуваши: история и культура / Отв. ред. В. П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 415 с., ил.; Т. 2. 335 с., ил.

References

Chuvashi: istoriya i kul'tura [Chuvashes: history and culture]. V. P. Ivanov (Ed.). Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 2009, vol. 1, 415 p., il.; vol. 2, 335 p., il.

Ismagilova E. I. Chuvashskiy fol'klor v khakasskom sele Domozhakov (po materialam ekspeditsii 2024 goda) [Chuvash folklore in the Khakass village of Domozhakov (based on the materials of the 2024 expedition)]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (33 Nauchno-prakticheskii seminar) (31 oktyabrya – 1 noyabrya 2024 g.)* [Folk culture of Siberia: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (33 Scientific and practical seminar) (October 31 – November 1, 2024)]. N. K. Kozlova (Ed.). Omsk, Nauka, 2025, pp. 92–99.

Ismagilova E. I., Fedotova E. V. Petrovskie pesni sibirskikh chuvashey: stepen' sohrannosti, etnograficheskii kontekst, osobennosti tekstov i napevov [Petrovsky songs of the Siberian Chuvashes: degree of preservation, ethnographic context, features of texts and melodies]. In: *Fol'klor narodov Povolzh'ya i Urala: zhanry, poetika, probleme*

my izuche-niya: Materialy Mezhtregion. nauch. -prakt. konf. (Cheboksary, 10–11 oktyabrya 2019 g.) [Folklore of the peoples of the Volga and Ural regions: genres, poetics, problems of study: Proceedings of the Interregional scientific and practical conference. (Cheboksary, October 10–11, 2019)]. G. G. Il'ina (Ed.). Cheboksary, ChSIH, 2021, pp. 31–44.

Ismagilova E. I. Osobennosti rasprostraneniya muzykal'no-fol'klornykh traditsiy chuvashy Sibiri v sravnenii s materikovoy territoriei ikh bytovaniya [Peculiarities of the distribution of musical and folklore traditions of the Chuvash of Siberia in comparison with the mainland territory of their existence]. *Journal of Musical Science*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 76–86.

Ismagilova E. I. *Pravoslavnye pesnopeniya v fol'klornykh traditsiyakh sibirskogo bytovaniya* [Orthodox chants in the folklore traditions of Siberian life]. N. V. Leonova (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2021, 240 p.

Ismagilova (Zhimuleva) E. I. Maslenichnye pesni v fol'klornoy traditsii chuvashy Sibiri [Maslenitsa songs in the folklore tradition of the Chuvash people of Siberia]. In: *Universitetskoe muzykoznanie: trudy fakul'teta iskusstv* [University musicology: works of the faculty of arts]. Cheboksary, Chuvash univ. Publ., 2013, iss. 6, pp. 137–143.

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]. Moscow, Per Se, 2007, 287 p.

Kul'tura Chuvashskogo kraya: Ucheb. posobie [Culture of the Chuvash region. Study guide]. V. P. Ivanov, G. B. Matveev, N. I. Egorov et al. (Eds.), M. I. Skvortsov (Comp.). Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 1995, pt. 1, 349 p.

Matveev G. B. Yäva [Yava]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia: in 4 vols.]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd., 2011, vol. 4, Se–Ya, 798 p.

Surkhuri, Kerkuri! Chuvashskie kalendarnye pesni: khrestomatiya. [Surkhuri, Kerkuri! Chuvash calendar songs: anthology]. L. V. Petukhova, G. V. Salyukov, I. F. Yakovleva (Comps.); M. G. Kondrat'ev (Ed.). Cheboksary, 2018, iss. 1, 535 p., il.

Terent'eva O. N. Khorovodnye pesni v zapisi Tarasa Maksimova 1912 goda kak klyuch k ponimaniyu mirovozzreniya chuvashy [Round dance songs recorded by Taras Maksimov in 1912 as a key to understanding the worldview of the Chuvash]. In: *Narodnoe iskusstvo v 21 veke: aktual'nost', etnokul'turnye vzaimodeystviya, formy bytiya, problemy razvitiya* [Folk art in the 21st century: relevance, ethnocultural interactions, forms of existence, development problems]. M. G. Kondrat'ev (Ed.). Cheboksary, ChSIH, 2015, pp. 105–114. (Problemy khudozhestvennoy kul'tury Chuvashii [Problems of the artistic culture of Chuvashia], issue 6).

Информация об авторе

Екатерина Игоревна Исмагилова, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-3370-2017

Information about the author

Ekaterina I. Ismagilova, Candidate of Arts History, Senior Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-3370-2017

*Статья поступила в редакцию 10.06.2025;
одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 10.07.2025
The article was submitted on 10.06.2025;
approved after reviewing on 10.07.2025; accepted for publication on 10.07.2025*